

Московский митрополитъ Макарій Булгаковъ.

IX. Литовскій періодъ въ жизни м. Макарія 1868—1879 г.

(Продолженіе).

II. Епархіальная дѣятельность преосв. Макарія въ Литвѣ.

(Число и состояніе монастырей Литовской епархіи предъ вступленіемъ въ управленіе ею преосв. Макарія. Правила для монастырей Литовской епархіи, введенныя преосв. Макаріемъ въ 1869 г. Типъ западно-русскаго православнаго монастыря. Несостоявшійся проектъ введенія обителей въ монастыряхъ Литовской епархіи. Закрытіе трехъ монастырей Литовской епархіи. Отношенія преосв. Макарія къ духовно-учебнымъ заведеніямъ Литовской епархіи. Несостоявшійся проектъ учрежденія высшаго духовнаго училища (Академіи) въ Вильнѣ).

Ко времени вступленія преосв. Макарія въ управленіе Литовскою епархіею въ этой послѣдней было всего 12 монастырей, изъ которыхъ 10 было мужескихъ и 2 женскихъ²⁾. За исключеніемъ мужескихъ— Виленскаго Св. Духовскаго, Пожайскаго и Сурецкаго, которые всегда оставались православными и потому такъ и назывались древне-православными, и женскаго Виленскаго Маріинскаго, основаннаго уже при митрополитѣ Іосифѣ Сѣмаико въ 1864 г., всѣ прочіе мужескіе (Виленскій Св. Троицкій, Гродненскій, Жировицкій, Супрагльскій, Борунскій, Березвецкій и Тороканскій) и женскій Гродненскій были обращены въ православные изъ прежнихъ уніатскихъ базилианскихъ монастырей во время воссоединенія Литовскихъ уніатовъ въ 1839 году. Извѣстно, что базилианскіе монастыри съ ихъ насельниками оказали наибольшее сопротивленіе общему воссоединенію Литовскихъ уні-

¹⁾ См. Труды Киевской духовной Академіи, октябрь, 1904 г.

²⁾ См. выше, стр. 22, прим. 1.

атовъ съ православною церковію въ 1839 году. Такое поведеніе Литовскихъ базилианъ въ отношеніи къ вопросу о восоединеніи съ православною церковію вполне понятно. Базилианскіе монастыри, находившіеся на пространствѣ Западной Руси, въ теченіе XVIII—XIX вв. подпали наибольшему вліянію господствовавшихъ здѣсь католической пропаганды и колонизаціи. Благодаря этому, базилианскіе монахи въ Литвѣ относились уже наканунѣ восоединенія ея съ православною церковію къ этой послѣдней съ такимъ непримиримымъ фанатизмомъ, что православную вѣру считали ниже еврейской и даже языческой религіи, а базилианскіе духовники запрещали, подъ угрозою анафемы, простому народу ходить въ православныя церкви, читать книги, написанныя православными авторами, и даже разговаривать съ православными ¹⁾).

Съ другой стороны, базилианскіе монастыри и ихъ иноки занимали въ униатской церкви исключительно привилегированное положеніе. Базилианскіе иноки обыкновенно занимали начальственныя должности въ униатской церковной администраціи, они стояли внѣ всякой зависимости отъ епархіальнаго архіерея, подчиняясь своему особенному начальству, и, наконецъ, они владѣли обширными имѣніями и вообще богатыми средствами содержанія. Такъ какъ базилианскіе монахи, бывшіе преимущественно изъ лицъ дворянскаго происхожденія, боялись утратить свое такое исключительно привилегированное положеніе, съ переходомъ въ православную церковь, то они, разумѣется, всѣми силами не сочувствовали восоединенію литовскихъ униатовъ съ нею.

Тѣмъ не менѣе, однако, благодаря особымъ мѣрамъ, принятымъ нашимъ правительствомъ, по совѣту и указа-

¹⁾ См. у Кляпиановича, „Жизнь Іосифа Сьвѣшко, митрополита Литовскаго и Виленскаго, и восоединеніе западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію въ 1839 г., стр. 118—119.

ніямъ митрополита (впослѣдствіи) Іосифа Сѣмашко, большинство уніатскихъ базилианскихъ монастырей присоединились къ православію, а оказавшіе упорное сопротивленіе были закрыты.

Совершенно понятно, что въ монастыряхъ такъ наз. по-уніатскихъ долго еще держался духъ и сохранялись традиціи уніатской церкви. Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко въ теченіе всего своего управленія Литовскою православною епархіею неизмѣнно и энергично боролся противъ недостатковъ монастырской жизни, бывшихъ наслѣдіемъ отъ уніи, достигъ въ этомъ отношеніи значительныхъ успѣховъ, но—что и понятно—вполнѣ не могъ уничтожить слѣдовъ прежней уніи въ обителяхъ своей епархіи.

Эти слѣды сохранились здѣсь и до времени вступленія преосв. Макарія въ управленіе Литовскою епархіею, который, къ своему огорченію, замѣтилъ ихъ при первомъ же знакомствѣ съ епархіею.

„Что касается внутренняго состоянія монастырей Литовской епархіи“, писалъ преосв. Макарій въ первомъ же своемъ отчетѣ Св. Синоду о состояніи епархіи за 1869 г., „то, къ сожалѣнію, не о всѣхъ монастыряхъ можно дать одобрительный отзывъ. До меня не разъ доходили жалобы изъ нѣкоторыхъ монастырей, съ одной стороны, на произволъ нѣкоторыхъ настоятелей, а съ другой—на безпорядки, допускаемые нѣкоторыми изъ братій. Произволъ настоятелей выражался наиболѣе всего въ безотчетномъ и невѣдомомъ для братіи распоряженіи всѣмъ хозяйствомъ монастырей и въ неудовлетворительномъ, судя по монастырскимъ средствамъ, содержаніи братіи. Съ другой стороны, и братія на произволъ отвѣчала иногда произволомъ же въ порядкѣ монастырской жизни, и вмѣсто должнаго послушанія нѣкоторые изъ братіи доходили до явнаго своевоія. Наконецъ, и по дѣламъ консисторіи, и по наблюденіямъ благочиннаго монастырей, нѣкоторые изъ братіи ведутъ нетрезвую жизнь. Всѣ эти

обстоятельства вызвали меня сдѣлать предложеніе консисторіи разослать въ монастыри для постоянного исполненія и руководства печатныя правила, предварительно составленныя, по моему порученію, и мною рассмотрѣныя, что и было исполнено въ октябрѣ и ноябрѣ прошлаго, т. е. 1869 года. Отсутствіемъ таковыхъ правилъ можно главнымъ образомъ объяснять указанные выше недостатки монастырей... Впрочемъ, виною неурядковъ были, конечно, и другія обстоятельства и между ними главное, указываемое и настоятелями монастырей, то, что въ уединенные монастыри Литовской епархіи поступаютъ лица болѣею частію не по призванію, а по силѣ обстоятельствъ, какъ-то: а) овдовѣвшіе и остарѣвшіе священнослужители; б) устранимые отъ мѣста по разнымъ обстоятельствамъ, преимущественно за нетрезвость, и в) мальчики, исключенные изъ училищъ, или неучившіеся, поступающіе съ цѣлію обучиться здѣсь и, подготовившись, поступать на приходъ въ причетники. И при всемъ этомъ монастыри остаются малолюдными. Сосѣдство съ монастырями римско-католическими также, думаю, не остается безъ вліянія на братію православныхъ монастырей, не всегда, далеко не всегда благопріятнаго въ духовно-нравственномъ отношеніи. Наконецъ, *не забыты еще извѣстные порядки униатскихъ базилианскихъ монастырей, особенно старіе по лѣтамъ и положенію братію*¹⁾.

Желая сколько-нибудь устранить замѣченные въ жизни монастырей Литовской епархіи недостатки и упорядочить ихъ, преосв. Макарій, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, распорядился составить и объявить къ исполненію особыя „правила для монастырей Литовской епархіи“.

Введеніе этихъ правилъ составило, безъ сомнѣнія, новую эпоху въ исторіи Литовскаго православнаго мона-

¹⁾ См. арх. Св. Синод. по 1 ст. 1 отд. 1870 г., д. № 306, л. 339.

шества. Хотя дѣйствіе правилъ не сказалось сразу на монастыряхъ Литовской епархіи, но безспорно постепенное проникновеніе положенныхъ въ основу правилъ идей въ сознаніе монашествующихъ содѣйствовало упорядоченію внутренней жизни монастырей Литовской епархіи. Наконецъ, какъ обязанныя своимъ происхожденіемъ преосв. Макарію, замѣчательному богослову и выдающемуся исторiku русской церкви, эти правила представляютъ значительный интересъ для всякаго, желающаго познакомиться съ внутреннимъ бытомъ западно-русскихъ монастырей въ началѣ второй половины XIX вѣка. Поэтому, познакомимся и мы поближе съ существенными положеніями „правилъ для монастырей Литовской епархіи“.

Правила раздѣлились на двѣ половины. Въ первой изъ нихъ изображалась внутренняя жизнь монастырской обители вообще, причемъ болѣе или менѣе обстоятельно и подробно излагались обязанности, какія долженъ былъ исполнять всякій инокъ вообще.

Первою общею обязанностію иноковъ было неопустительное посѣщеніе церковнаго богослуженія. Всѣ иноки, свободные отъ особенныхъ и специальныхъ послушаній, напр., обязанности продавать свѣчи и т. под., должны были участвовать въ пѣніи и чтеніи, которыя должны совершаться неспѣшно, громко и внятно. Не присутствовать въ церкви за богослуженіемъ инокъ могъ только по болѣзни, или другимъ какимъ-либо вполнѣ уважительнымъ причинамъ и во всякомъ случаѣ съ личнаго разрѣшенія настоятеля. Для записыванія нерадивыхъ въ этомъ отношеніи должна была находиться въ церкви особая тетрадь, которую обязанъ былъ вести устаникъ и по которой иноки штрафовались за опущеніе богослуженія по неуважительнымъ причинамъ и безъ увольненія отъ настоятеля. Запрещалось совершать одновременно божественную литургію и молебенъ, если только были слышны оба пѣнія въ одно время. Между іеромонахами для соверше-

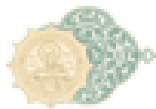

нія ежедневнаго богослуженія и требоисправленій устанавливалась строгая очередь. Правила, даѣе, весьма подробно говорили о пищѣ иноковъ и общей трапезѣ. Трапеза полагалась согласная съ уставомъ и соответственная средствамъ монастыря. Родъ кушаньевъ и количество припасовъ для нихъ назначались настоятелемъ вмѣстѣ съ казначеемъ, духовникомъ и уставщикомъ. Общая трапеза была обязательна для всѣхъ иноковъ, кромѣ настоятеля, намѣстника и занятыхъ какимъ-либо особеннымъ послушаніемъ иноковъ. Въ келліяхъ не позволялось держать пищи и кушать, кромѣ больныхъ. Во время общей трапезы должно было происходить какое-либо чтеніе. Даѣе шли частныя правила, опредѣлявшія поведеніе иноковъ во время трапезы.

Весьма подробно описывали правила идеальную обстановку братскихъ келлій и времяпрепровожденіе иноковъ, жившихъ въ нихъ. Запрещалось инокамъ принимать кого-либо изъ мірянъ у себя въ келліи, даже родныхъ, безъ вѣдома настоятеля, или духовника, а также и инокамъ не дозволено было ходитъ другъ къ другу безъ нужды. Настоятель обязывался всякую недѣлю обойти всѣ братскія келліи, а больныхъ иноковъ посѣщать въ ихъ келліяхъ даже ежедневно. Никому изъ братіи не позволялось отлучаться изъ обители, безъ благословенія и разрѣшенія настоятеля. Въ келліи инокъ, кромѣ молитвы, долженъ былъ заниматься чтеніемъ книгъ, которыя брались изъ монастырской библіотеки. Забота о приобрѣтеніи, поношеніи и возможно лучшимъ содержаніи монастырской библіотеки вмѣнялась правилами въ особенную обязанность настоятеля, а храненіе книгъ возлагалось на ризничаго. Правила, даѣе, рекомендовали братіи всякой обители вести монастырскій дневникъ, или лѣтопись, какъ „доброе и полезное для будущаго дѣло“. Въ этотъ дневникъ совѣтовалось вносить замѣтки касательно численности постороннихъ посѣтителей монастырскаго богослуженія, касательно того, когда, кто и что проповѣдывалъ въ мона-

стырь; записывать также настоятельскія, или епархіальныя распоряженія о монастырскомъ благоустройствѣ, прибытіе, или выходъ кого-либо изъ наличнаго состава монастырскаго братства, посѣщенія обители знаменитыми личностями, болѣе значительныя пожертвованія, или утраты монастыря, работы, передѣлки и исправленія монастыря, или церкви, также замѣчательныя явленія и случаи въ обществѣ и въ самой природѣ. По окончаніи мѣсяца, все записанное въ дневникѣ должно было прочитываться въ общемъ собраніи и, по обсужденіи, то, что оказалось-бы достойнымъ увѣковѣченія, оставлялось и утверждалось подписью старшей братіи. Составитель правилъ, видимо, придававшій особенно важное значеніе проектированному имъ дневнику, нарочито предупреждалъ, что дневникъ этотъ имѣлъ быть неотъемлемою собственностію обители, а потому братія не должна была стѣсняться содержаніемъ монастырской лѣтописи. Въ тѣхъ же видахъ для лѣтописи не полагалось никакой особенной формы, чтобы записывавшіе не стѣснялись формальностію. Всѣ иноки должны были нести послушанія, по указанію настоятеля, или старца. Настоятель и старецъ, при назначеніи послушаній, должны были соображаться со степенью духовныхъ и тѣлесныхъ силъ того, для кого назначалось послушаніе. Каждый изъ братіи долженъ былъ, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, служить обители, а потому, кромѣ занятыхъ спеціальными послушаніями, всѣ должны были принимать участіе въ полевыхъ трудахъ, работахъ въ саду, огородахъ, прудахъ и прочихъ монастырскихъ угодіяхъ. Правила также предусматривали возможность возникновенія непріятностей между братіей изъ-за раздѣла братскихъ доходовъ.

Вторая половина монастырскихъ правилъ, изданныхъ преосв. Макаріемъ, представляетъ менѣе интереса. Здѣсь болѣе или менѣе подробно излагаются обязанности и права настоятеля монастыря, а также обязанности разныхъ членовъ монастырской служебной администраціи, какъ-то: казначая.

эконома, ризничаго, духовника и уставщика. Съ особенною подробностію составитель правилъ говоритъ о правахъ и обязанностяхъ настоятеля обители, очевидно, потому, что, какъ мы уже слышали изъ устъ самого преосв. Макарія, монастыри Литовской епархіи въ этомъ именно отношеніи представляли немало недостатковъ. Настоятель, по правиламъ, былъ главнымъ и непосредственнымъ начальникомъ обители во всѣхъ сторонахъ ея жизни.

Онъ обязанъ былъ слѣдить за соблюденіемъ богослужебнаго устава, поведеніемъ братіи и хозяйствомъ монастыря. Но въ то же самое время правила внушали настоятелю, чтобы онъ, безъ совѣщанія съ старшей братіей и безъ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, не предпринималъ никакихъ новыхъ построекъ, не отдавалъ въ аренду монастырскихъ угодій и не продавалъ монастырскаго имущества, равно какъ и вообще ничего въ хозяйственномъ отношеніи не дѣлалъ самъ одинъ, какъ-бы секретно, или самовластно. Настоятель также долженъ былъ смотрѣть, чтобы въ монастырѣ, по возможности, не было лицъ римско-католическаго исповѣданія ни для какихъ монастырскихъ службъ. Правила, опредѣлявшія обязанности казначея, ризничаго, эконома, духовника и уставщика, не представляютъ чего-либо особеннаго и оригинальнаго¹⁾.

Какъ видимъ, „правила для монастырей Литовской епархіи“, введенныя преосв. Макаріемъ, обращаютъ вниманіе преимущественно на внѣшній строй монастырской жизни. Въ нихъ почти совсѣмъ отсутствуютъ совѣты и наставленія относительно духовной жизни, средствъ и способовъ нравственнаго самоусовершенствованія и служенія спасенію личному и ближнихъ своихъ. По нашему мнѣнію, отсутствіе подобныхъ совѣтовъ и наставленій въ „монастырскихъ прави-

¹⁾ См. тамъ-же, л. 337—338; ср. Лит. Еп. Вѣдом. 1869 г., № 19.

лахъ“ объясняется не недосмотромъ, а скорѣе всего характеромъ монастырей Литовской епархіи и современными нуждами ихъ.

Даже независимо отъ того отрицательнаго вліянія на монастыри Литовской епархіи со стороны католическихъ и униатскихъ монастырей, о которомъ мы говорили выше, монастыри Литовской епархіи, какъ и всѣ вообще православные монастыри Западной Руси, носили нѣсколько особенный характеръ, замѣтно отличавшій ихъ отъ православныхъ монастырей восточной церкви, напр., греческихъ и нашихъ русскихъ. Этотъ особенный характеръ, или, точнѣе будетъ сказать, типъ западно-русскихъ монастырей образовался подъ вліяніемъ исключительныхъ условій православной западно-русской церкви.

Необходимость постоянной, непрерывной и упорной борьбы съ католичествомъ и унией требовала въ Западной Руси монастырей не въ видѣ институтовъ, предназначенныхъ быть убожищами для аскетически настроенныхъ людей, искавшихъ уединенія для молитвы и подвиговъ вдали отъ мірской суеты. Но именно въ видѣ центровъ, гдѣ могли собираться люди крѣпкіе духомъ, всею душою своею преданные отеческой вѣрѣ, готовые на всякое самопожертвованіе во имя и за „благочестіе“. Мы этимъ не желаемъ сказать, чтобы въ нашихъ западно-русскихъ монастыряхъ не было мѣста для аскетовъ и аскетическихъ подвиговъ. Нѣтъ, аскетизмъ и подвиги высокой нравственной жизни бывали въ западно-русскихъ монастыряхъ, но только... не это было ихъ главнѣйшею задачею и цѣлію, которая была поставлена самою жизнію, самою исторіею. Западно-русскіе православные монастыри въ XVI—XVIII вв. были преимущественно центрами, около которыхъ сосредоточивалась живая и энергичная борьба западно-русскаго народа за свою вѣру и народность. Западно-русскіе православные монастыри во все это время были „стопами православія“, а жившіе въ нихъ иноки—пере-

довыми борцами, руководителями западно-русского народа въ его борьбѣ за благочестіе. Сообразно этой особенной, исключительно-спеціальной цѣли, поставленной для западно-русскихъ православныхъ обителей самою исторіей и усиленно осуществлявшейся ими, выработался и особенный характеръ, типъ западно-русского монастыря, который въ иныхъ отношеніяхъ (разумѣется, лучшихъ) напоминалъ типъ монастыря католическаго съ его кинучею мірскою дѣятельностію, съ его стремленіями усиленно служить спасенію не только личному, но и общему. Напр., наши православные западно-русскіе монастыри въ большинствѣ своемъ въ XVІІ и XVІІІ вв. исполняли функціи дѣятельности обыкновенныхъ приходскихъ храмовъ, что требовалось исключительными обстоятельствами времени и мѣста и чѣмъ они сослужили великую службу дѣду православія въ Западной Руси.

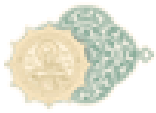
Нѣкоторыя черты этого исторически выработавшагося типа западно-русскихъ монастырей сохранились несомнѣнно и въ характерѣ православныхъ монастырей Литовской епархіи въ годы управленія ею преосв. Макарія. И послѣдній, по нашему мнѣнію, имѣлъ въ виду исторически образовавшіяся традиціонныя особенности монастырей Литовской епархіи, когда въ концѣ 1869 года вводилъ въ нихъ правила, съ которыми мы сейчасъ познакомились.

Безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду онъ этотъ же самый особенный характеръ монастырей Литовской епархіи и необходимость постепеннаго преобразованія ихъ по идеальному типу православнаго монастыря, когда въ томъ же 1869 году не пошелъ на встрѣчу существовавшему тогда предположенію ввести общежительный уставъ въ монастыряхъ Литовской епархіи. Введеніе „правилъ монастырской жизни“, вышеизложенныхъ нами, преосв. Макарій считалъ вполне достаточнымъ для устраненія существовавшихъ въ монастыряхъ Литовской епархіи безпорядковъ и вполне замѣняющимъ для

нихъ такую рѣшительную реформу, какъ преобразованіе ихъ по уставу строгаго общежитія.

Попытка ввести въ монастыряхъ Литовской епархіи общежитіе представляется настолько любопытною, что мы позволимъ себѣ сказать о ней нѣсколько словъ.

Вопросъ о введеніи общежитія въ монастыряхъ не одной только Литовской епархіи, но и всей вообще Россіи, былъ возбужденъ въ Св. Синодѣ, по иниціативѣ оберъ-прокурора Св. Синода гр. Д. А. Толстого. Въ своей докладной запискѣ Св. Синоду гр. Толстого указывалъ на то, что въ послѣднее время начали раздаваться въ обществѣ все громче и громче разнаго рода нареканія на русскіе монастыри и монашествующихъ, при чемъ иногда высказывались даже рѣзкіе голоса въ пользу совершеннаго уничтоженія монастырей въ Россіи. Съ своей стороны, гр. Д. А. Толстой многія изъ нареканій на монастыри и монашествующихъ признавалъ видимо напрасными, а мысль о совершенномъ уничтоженіи монастырей въ нашемъ православномъ отечествѣ, пока оно православно, совершенно несообразною, ибо, замѣчалъ онъ по ятому поводу, если не будетъ у насъ монастырей открытыхъ, то они будутъ въ тайныхъ клѣткахъ, или въ горницахъ, или въ дѣсахъ, или въ пещерахъ. Но въ то же самое время онъ считалъ рѣшительно необходимымъ принятіе возможныхъ мѣръ къ уменьшенію нареканій на монастыри и къ тому, чтобы монашествующіе имѣли меньше способовъ и случаевъ подавать поводъ къ справедливымъ нареканіямъ на нихъ. Самый дѣйствительный и вѣрный путь къ достиженію этой цѣли гр. Толстой видѣлъ въ обращеніи всѣхъ нашихъ монастырей, за исключеніемъ архіерейскихъ домовъ, въ общежительные, съ нѣкоторыми, впрочемъ, подраздѣленіями ихъ. Одни изъ монастырей небольшихъ, управлявшихся игуменами и строителями (а быть можетъ, нѣкоторые и изъ большихъ), если только они имѣли достаточныя средства къ своему существованію, предполагалось

обратить въ общежительные безъ всякихъ исключеній; въ другихъ предполагалось подвергнуть правиламъ общежитія только простую братію, а настоятелямъ и казначеямъ предоставить право пользоваться отъ монастыря всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они пользовались и прежде, но безъ всякаго увеличенія тѣхъ или другихъ средствъ и съ прекращеніемъ права завѣщавать свое имѣніе кому-бы то ни было. Наконецъ, въ тѣхъ монастыряхъ, которые находились подъ управленіемъ архіереевъ, поступавшихъ на покой, проектировалось предоставить настоятелямъ право пользоваться всѣми привилегіями и тою же частію доходовъ и угодій, какими они пользовались и прежде, равно какъ при прежнихъ же правахъ предполагалось оставить и намѣстниковъ и другихъ должностныхъ лицъ въ монастыряхъ, прочую же братію содержать по правиламъ общежитія. Такую реформу предполагалось ввести сразу во всѣхъ русскихъ монастыряхъ для того, чтобы недовольныхъ преобразованіемъ лишить повода и возможности просить о перемѣщеніи изъ однихъ монастырей въ другіе, чѣмъ нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ могли быть поставлены въ большее затрудненіе.

Въ виду возможнаго возраженія, что чрезъ установленіе во всѣхъ русскихъ монастыряхъ общежитія со временемъ монашество могло совсѣмъ прекратиться, инициаторъ монастырской реформы ссылаясь на опытъ, который, будто-бы, показывалъ, что монастыри, преобразованные изъ штатныхъ въ общежительные, улучшились и положительно процвѣли во всѣхъ отношеніяхъ, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число братіи увеличилось въ нѣсколько разъ противъ прежняго, а если гдѣ оно и уменьшилось, то оставшіеся и вновь поступавшіе въ такія обители были ближе къ идеалу монашества. А между тѣмъ съ обращеніемъ всѣхъ монастырей въ общежительные, по мнѣнію автора докладной записки, если не вездѣ, то во многихъ обителяхъ средства ихъ должны были сдѣлаться болѣе достаточными, даже изобильными, благодаря

чему прекратились бы, или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшились бы сборщики милостыни на монастыри, вызывавшіе (сборщики) наиболѣе всего нареканій на монашество въ обществѣ и въ печати, а въ иныхъ обителяхъ явилась бы даже возможность завести просвѣтительныя и благотвори- тельныя учрежденія въ родѣ училищъ, больницъ, богадѣ- ленъ и т. под.

Относительно, въ частности, женскихъ монастырей высказывалась мысль, что было бы полезно обратить въ обще- жительныя, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, въ которыхъ были особыя средства къ устроению и содержанію общей трапезы, такъ какъ монахини, питавшіяся большею частію отъ своего руководія и милостыни, съ запрещеніемъ имъ выхода изъ монастыря, что являлось необходимымъ при вве- деніи общежитія, лишились бы всякихъ средствъ къ своему существованію.

Св. Синодъ, разсмотрѣвъ изложенную записку оберъ- прокурора гр. Д. А. Толстого и признавъ осуществленіе главной мысли ея о необходимости и пользѣ введенія обще- житія въ тѣхъ православныхъ русскихъ монастыряхъ, въ которыхъ его не было, вообще полезнымъ, обратился съ за- просомъ по этому поводу къ епархіальнымъ архіереямъ, въ томъ числѣ и къ преосв. Макарію.

Преосв. Макарій передалъ синодальный указъ съ выше- упомянутой запискою оберъ-прокурора гр. Толстого на раз- смотрѣніе Литовской духовной консисторіи, которая и должна была рѣшить вопросъ о томъ, въ какихъ именно мо- настыряхъ Литовской епархіи и какимъ образомъ могли бы быть введены въ дѣйствіе правила общежитія, какъ доказан- наго временемъ и обстоятельствами наилучшаго способа мо- настырской жизни.

Литовская духовная консисторія, въ свою очередь, по- требовала 23 іюня 1869 года отъ благочиннаго монастырей Литовской епархіи, чтобы онъ представилъ ей уставъ, ка-

кимъ руководились до тѣхъ поръ монастыри Литовской епархіи, и, кромѣ того, уставъ, какой могъ бы быть принятъ со введеніемъ въ нихъ общежитія, равно какъ и свое сужденіе о томъ, въ какихъ именно монастыряхъ Литовской епархіи было бы полезнѣе всего ввести правила общежительнаго устава

Благочинный монастырей Литовской епархіи, архимандритъ Іоаннъ 12 іюля 1869 года донесъ консисторіи слѣдующее. Всѣ иноки Литовской епархіи принадлежали къ чину Св. Василія Великаго. Различіе между ними выражалось только въ степеняхъ іерархіи, какія они имѣли, и въ содержаніи, какимъ они пользовались въ монастыряхъ своихъ. Монахи раздѣлялись на послушниковъ, іеродиаконъ, іеромонаховъ, причемъ были въ монастыряхъ Литовской епархіи и діаконы и священники изъ числа благаго духовенства, настоятелей, игуменовъ и архимандритовъ. Подобное раздѣленіе по степенямъ существовало и въ женскихъ обителяхъ. Во всѣхъ монастыряхъ Литовской епархіи безусловно соблюдалось только одно требованіе общежительнаго устава, касавшееся общей трапезы. Чинъ богослуженія вездѣ былъ одинаковъ. Содержаніе вездѣ было штатное, т. е. монахи получали жалованье и пользовались доходами изъ братской кружки, на которые и содержались. Нравственныя обязанности, какія должны были выполнять иноки Литовскихъ монастырей, вытекали изъ главныхъ обѣтовъ монашества, т. е. цѣломудрія, нестяжательности и послушанія.

Сравнивъ, далѣе, уставъ, принятый дотошъ въ монастыряхъ Литовской епархіи, съ уставомъ общежительныхъ монастырей (по уставу Коневской обители), отличительныя особенности котораго состояли въ томъ, что иноки общежительнаго монастыря, имѣя все рѣшительно содержаніе отъ обители и не получая никакого жалованья или дохода въ личное распоряженіе, обязаны были самодично исполнять всѣ работы по монастырю и его хозяйству и безвыходно жить въ мона-

стырь, въ которомъ были пострижены, архимандритъ Іоаннъ выражалъ мнѣніе, что уставъ общежитія не могъ быть введенъ въ монастыряхъ Литовской епархіи. Такое свое мнѣніе онъ основывалъ, прежде всего, на отзывахъ, полученныхъ имъ отъ настоятелей и братіи монастырей Литовской епархіи.

Замѣчательно, что всѣ монастыри Литовской епархіи во главѣ съ своими настоятелями высказались противъ введенія общежительнаго устава, за исключеніемъ только Супральскаго и Тороканскаго монастырей и пастоятеля Сурецкаго монастыря. Настоятели Супральскаго и Тороканскаго монастырей отъ себя и отъ лица братіи отвѣтили на запросъ, что введеніе общежитія въ ихъ обители было-бы полезно, но только при необходимомъ условіи сохраненія за монастыремъ прежняго казеннаго содержанія и надѣленія монастыря угодіями, а именно: лѣсомъ, мельницею, озеромъ и землею. Настоятель Сурецкаго монастыря игуменъ Θεодосій выразилъ отъ себя лично полное согласіе на введеніе въ обители устава общежитія, но за то братія совершенно не согласилась съ нимъ и представила свое особое мнѣніе по этому предмету.

Всѣ остальные монастыри Литовской епархіи, даже и женскій Гродненскій (другой женскій—Виленскій Маріинскій и прежде пользовался общежительнымъ уставомъ, при которомъ пожелалъ остаться и теперь), заявили, какъ сказано, свое несогласіе на введеніе общежительнаго устава. Интересно прислушаться къ ихъ мотивамъ своего нежеланія принять уставъ общежитія.

Настоятель Виленскаго Троицкаго монастыря (онъ же и ректоръ семинаріи) архимандритъ Евгеній выставилъ въ своемъ отзывѣ и общія—принципіальныя и частныя—на мѣстныхъ условіяхъ жизни обоснованныя соображенія противъ введенія общежительнаго устава въ монастыряхъ Литовской епархіи вообще и, въ частности, въ Троицкомъ монастырѣ. „Общежитіе“, писалъ онъ, „какъ одинъ изъ видовъ монашескаго житія, при всѣхъ своихъ относительныхъ

достоинствахъ, не дѣлаютъ излишними въ православной церкви, непригодными для достиженія высшаго религіозно-нравственнаго совершенства и другихъ видовъ того же житія. На св. Руси есть немало общежительныхъ обителей и чувствующіе въ себѣ расположеніе и способность подвизаться въ такихъ обителяхъ наполняютъ ихъ. Немало стремящихся къ уединенной, строго отшельнической и даже затворнической жизни. Другіе же, не менѣе искренно ревнующіе о спасеніи, избираютъ путь менѣе трудный, но не менѣе доставляющій возможность жить во спасеніе свое и другихъ. *Кійждо свое дарованіе имать отъ Бога, овъ убо сице, овъ же сице* (1 Кор. 7, 7).

Общежитіе болѣе удобно и умѣстно въ обителяхъ пустынныхъ, находящихся въ мѣстахъ немногочисленныхъ, и не очень удобно въ монастыряхъ, устроенныхъ по городамъ. Въ пустынѣ порядокъ жизни и богослуженіе, распределеніе послушаній и проч. обуславливается главнымъ образомъ потребностями обители. Въ монастыряхъ городскихъ погребности вѣрующихъ, ищущихъ въ обителяхъ удовлетворенія лучшимъ своимъ религіознымъ стремленіямъ, стоятъ на первомъ планѣ. Каждый изъ иноковъ ежедневно вызывается на разнообразное служеніе спасенію ближнихъ, а потому долженъ располагать нѣкотораго рода свободою въ своихъ дѣйствіяхъ и преимущественно стремиться къ приобрѣтенію совершенства, извѣстнаго у подвижниковъ подъ именемъ „дара разсужденія“! Отсюда въ монастыряхъ необщежительныхъ большая часть обязанностей имѣетъ характеръ общежительный, но нѣчто предоставляетъ и личному усмотрѣнію каждаго. Искушеніе и паденія возможны на всякомъ поприщѣ нравственнаго преусиленія; злоупотребленіе предметомъ не даетъ основательнаго повода уничтожить самый предметъ. Виленскій Троицкій монастырь, при маломъ числѣ монашествующихъ, при отсутствіи мѣстныхъ удобствъ, необходи-

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1904 г.

мыхъ для общежитія, находящійся среди города, тѣсно связанный съ семинаріей, имѣющею помѣщеніе въ одномъ зданіи съ монастыремъ и общую церковь, менѣе всего можетъ быть общежительнымъ. Тѣмъ не менѣе все, что можетъ быть приложимо изъ правилъ общежитія къ жизни въ Троицкомъ монастырѣ, по возможности, прилагается. Небольшіе избытки, получаемые съ фольварка и угодій, служатъ пособіемъ къ жалованью и весьма скудной кружкѣ. Каждый изъ братій несетъ послушаніе, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей“.

Большинство другихъ настоятелей и братствъ монастырей Литовской епархіи, въ подтвержденіе своего нежеланія вводить въ своихъ обителяхъ общежительный уставъ, ссылались преимущественно на бѣдность ихъ, малолюдство, неспособность братіи, которая болѣею частію состояла изъ стариковъ или малолѣтнихъ послушниковъ, собственнымъ трудомъ доставлять необходимое содержаніе и средства монастырю. Нѣкоторые указывали, кромѣ того, на особенный характеръ Литовскихъ монастырей и особенныя мѣстныя условія, не позволявшія вводить общежитіе въ нихъ. „Монастыри въ Россіи и здѣсь“, писалъ, напр., въ своемъ отзывѣ Березвечскій монастырь, „какъ по обстановкѣ, такъ и по другимъ обстоятельствамъ имѣютъ большую разницу. Въ Россіи въ общежительные монастыри поступаютъ изъ всѣхъ сословій собственно по призванію и любви къ монашеству, а потому всякаго рода послушанія и лишенія сносятъ терпѣливо; притомъ очень обезпечены матеріально отъ богомольцевъ. Здѣсь же болѣею частію поступаютъ въ монастырь по обстоятельствамъ—священники и діаконъ по вдовству, а въ послушники для обученія только церковному уставу до первой вакансіи причетническаго мѣста безъ всякой мысли о монашеской жизни; слѣдовательно, здѣсь совершеннаго аскетическаго послушанія и отреченія воли требовать невозможно. Если на одежду, обувь и другія надобности будетъ опре-

дѣлено только получаемое въ настоящее время жалованье, то этого очень недостаточно (другихъ же суммъ для пополненія не имѣется), потому что теперь каждый, получая хотя и скуднѣйшее жалованье, содержитъ себя со всею удивительно утонченною экономіею и недостатки сносить терпѣливо, зная, что онъ получилъ все, положенное отъ правительства; тогда же, считая одежду, обувь и пр. казеннымъ, не будетъ заботиться объ экономіи, всякое же ограниченіе будетъ считать лишеніемъ и обидою, а потому разнаго рода безпорядкамъ и конца не будетъ“.

Нѣкоторые монастыри прямо заявили, что отъ введенія общежительнаго устава нельзя ожидать ничего хорошаго, кромѣ крайняго разоренія, потому что монастыри Литовской епархіи собственно только своими средствами рѣшительно не могли поддерживать свое существованіе.

По разсмотрѣніи всего дѣла, Литовская консисторія и съ своей стороны высказалась противъ введенія общежительнаго устава въ монастыряхъ Литовской епархіи. Свое мнѣніе она мотивировала тѣмъ, что во 1) условія мѣстности, гдѣ были расположены эти монастыри, не представляла средствъ, необходимыхъ для осуществленія всѣхъ требованій общежительнаго устава, и 2) въ монастыряхъ Литовской епархіи только недавно были введены особыя правила, съ осуществленіемъ которыхъ состояніе этихъ монастырей могло улучшиться во всѣхъ отношеніяхъ. Преосв. Макарій согласился съ такимъ заключеніемъ консисторіи, которое и было представлено имъ Св. Синоду 17 января 1870 года ¹⁾.

¹⁾ См. арх. Литов. дух. Конс. 1869 г. д. № 1204. Не можемъ здѣсь не обратить вниманія на крайне неточное изложеніе этого дѣла у пресв. Н. Извъкова въ его цитов. соч. стр. 255—256. Все то, что говорили противъ общежитія настоятели и иноки монастырей Литовской епархіи, то пресв. Н. Извъковъ приписываетъ лично преосв. Макарію, не смотря на то, что въ своемъ донесеніи Св. Синоду онъ ясно различаетъ свое заключеніе и свои наблюденія надъ

Не знаемъ, чѣмъ дѣло это окончилось въ Св. Синодѣ, но только монастыри Литовской епархіи остались при своемъ прежнемъ устройствѣ. Одинъ только изъ нихъ—Виленскій Маріинскій женскій монастырь—остался при общежительномъ уставѣ, какимъ онъ пользовался и прежде. Въ 1869 году онъ былъ только тщательно пересмотрѣнъ и, по исправленіи, былъ утвержденъ преосв. Макаріемъ. Уставъ Виленскаго Маріинскаго женскаго монастыря представляетъ весьма много интереснаго и ясно выражающаго особенный строй жизни, существовавшій въ обители.

Все монастырское общество сестеръ, кромѣ проходившихъ искусствъ послушанія и называвшихся „пріобучающимися къ монашеской жизни“, раздѣлялось на три степени: 1) послушницъ, уже испытанныхъ въ подвигѣ послушанія и носившихъ одежду новоначалія; 2) рясофорныхъ монахинь, входившихъ въ составъ общежитія монастырскаго и 3) мантийныхъ монахинь, постриженныхъ въ малую схиму. Всѣ монахини, не исключая и настоятельницы, не получали денежнаго содержанія, а пользовались рѣшительно всѣмъ отъ монастыря. Съ другой стороны, всѣ онѣ безъ исключенія жертвовали своими силами и посвящали свой трудъ въ общую пользу монастыря. Настоятельница принадлежало право распредѣленія труда между сестрами общежитія. Все въ обители совершалось съ благословенія настоятельницы и освящалось молитвою. Во время утрени, напр., послѣ псалмій сестра—поварка, положивъ три поклона предъ мѣстной иконой, брала отъ лампады огонь и отправлялась съ

монастырями Литовской епархіи отъ сужденій другихъ лицъ. Самое заключеніе преосв. Макарія по вопросу о введеніи общежитія въ монастыряхъ Литовской епархіи здѣсь сформулировано неточно. Преосв. Макарій „сколько на основаніи мнѣній и соображеній благочиннаго, настоятелей монастырей и консисторій, столько же и на основаніи собственныхъ наблюденій признавалъ, введеніе общежитія въ мужскихъ монастыряхъ Литовской епархіи пока еще невозможнымъ, и, по крайней мѣрѣ, неудобнымъ“ (См. того же дѣла ч. 38).

своими помощницами въ кухню для приготовленія пищи. Такимъ же образомъ исполнялись и всѣ другія послушанія въ монастырѣ.

Наиболѣе замѣчательную особенность въ жизни Виленскаго Маріинскаго женскаго монастыря составляло, между прочимъ, то, что онъ, въ лицѣ своихъ сестеръ, старался, по мѣрѣ силъ и средствъ, служить благу общества. Это общественное служеніе обители выражалось, прежде всего, въ томъ, что опычныя сестры, съ разрѣшенія настоятельницы, отправлялись въ мірскія семьи, по ихъ приглашенію, для услугъ страдавшимъ тяжкими болѣзнями, для приготовленія умиравшихъ къ христіанской кончинѣ, или для утѣшенія скорбѣвшихъ духовною бездѣю и помощію, при особенно трудныхъ, или печальныхъ обстоятельствахъ потерь и тому подобныхъ потрясеній. Съ другой стороны, при обители и въ ея вѣдѣніи находился пріютъ для воспитанія и обученія дѣвочекъ изъ числа сиротъ православнаго духовенства и дочерей недостаточныхъ чиновниковъ западнаго края. Начальницею пріюта, по положенію о немъ, была настоятельница монастыря, которой помогала особая смотрительница пріюта изъ числа образованныхъ сестеръ обители¹⁾.

Благодаря полезному служенію обществу на такомъ трудномъ и отвѣтственномъ поприщѣ, какъ учебно-воспитательное дѣло, равно какъ и прекрасному внутреннему устройству, Виленскій женскій Маріинскій монастырь пользовался широкими симпатіями въ сѣверо-западномъ краѣ и, по справедливости, составлялъ лучшее украшеніе православнаго иночества въ этомъ краѣ. Безспорно, что своимъ прекраснымъ внутреннимъ устройствомъ, монастырь этотъ былъ весьма много обязанъ дѣятельности первыхъ настоятельницъ его изъ числа московскихъ монахинь, избранныхъ митроп. Іосифомъ Сѣмашко,

¹⁾ См. арх. Литовск. дух. Консисторіи. 1869 г., д. № 1204.

при содѣйствіи митрополита Московскаго Филарета ¹⁾. Но несомнѣнно также и то, что весьма важное значеніе имѣлъ здѣсь и тотъ уставъ, какой былъ принятъ въ монастырь — общежительный, и основанный на немъ духъ и общій характеръ, отличавшій обитель.

Неудавшаяся попытка ввести тотъ же общежительный уставъ и въ мужскихъ монастыряхъ Литовской епархіи съ необходимостію вызывалъ жгучій вопросъ о принятіи иныхъ мѣръ къ поднятію внутренняго благосостоянія этихъ обителей. Надъ этимъ вопросомъ немало думать еще предшественникъ преосв. Макарія — митрополитъ Іосифъ Сѣмашко. Сознывая свое почти полное безсиліе въ борьбѣ съ серьезными недостатками во внутренней жизни монастырей своей епархіи, бывшими прямымъ наслѣдіемъ униатскихъ временъ, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко иногда приходилъ къ мысли о принятіи даже такой рѣшительной мѣры, какъ, напр., закрытіе нѣкоторыхъ монастырей ²⁾. Но то, на что не могъ рѣшиться митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, суждено было совершить его преемнику.

Къ счастью, только не самъ преосв. Макарій былъ инициаторомъ дѣла о закрытіи нѣкоторыхъ изъ православныхъ монастырей Литовской епархіи. Думается, что и онъ такъ же, какъ и его знаменитый предшественникъ, оставившись бы въ послѣднюю минуту предъ необходимостію закрыть нѣкоторые монастыри и не рѣшился бы сдѣлать это, хотя бы и былъ внутренне убѣжденъ въ неизбежности подобной мѣры. Но когда помимо его былъ возбужденъ предъ высшимъ правительствомъ вопросъ о закрытіи нѣкоторыхъ монастырей Литовской епархіи, то преосв. Макарій не только не воспротивился этому, но даже самъ пошелъ на встрѣчу желанію общества. Не беремся судить, насколько былъ правъ

¹⁾ См. у преса. Н. Извѣкова Цитов. соч. стр. 241.

²⁾ См. тамъ же, стр. 241

онъ въ этомъ дѣлѣ предъ судомъ исторіи, но ходъ дѣла, современнаго ему, говоритъ вполне въ его пользу.

Дѣло происходило такимъ образомъ. Поведеніе братіи нѣкоторыхъ изъ числа монастырей Литовской епархіи было настолько исключительное, что на него стала обращать вниманіе гражданская власть въ краѣ и современная печать. Такъ, напр., въ 1869 году возникло громкое дѣло о покушеніи одного изъ монаховъ Литовской епархіи на жизнь настоятеля своего монастыря и о нанесеніи побоевъ игумену другого монастыря¹⁾. Черезъ два года послѣ того Гродненскій губернаторъ былъ вынужденъ жаловаться на иноковъ Тороканскаго монастыря, которые вели нетрезвую и вообще несоотвѣтствовавшую монашескому званію жизнь. Литовская духовная консисторія въ послѣднемъ случаѣ приняла довольно строгія мѣры къ прекращенію обнаружившихся въ жизни монастыря недостатковъ. Но епархіальное начальство не скрывало своего безсилія совершенно исправить Тороканскій и другіе подобные монастыри, особенно въ виду совершеннаго недостатка кандидатовъ монашества, при посредствѣ которыхъ можно было бы совершенно обновить монастыри. Между тѣмъ въ монастыряхъ попрежнему продолжались безпорядки. Кончилось дѣло тѣмъ, что Виленскій генераль-губернаторъ, вообще не сочувствовавшій дѣлу православія и русской народности въ краѣ, обратилъ вниманіе высшаго правительства на неудовлетворительное состояніе нѣкоторыхъ монастырей Литовской епархіи и возбудилъ вопросъ о закрытіи трехъ изъ нихъ—Ворунскаго (въ Опшяпскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи), Березвечскаго (въ Дисненскомъ уѣздѣ, той же губерніи), и Тороканскаго (въ Кобринскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи). Эти три монастыря необходимо было, по отзыву генераль-губернатора, закрыть,

¹⁾ См. тамъ же, стр. 251.

такъ какъ они среди другихъ православныхъ обитателей Литовской епархіи отличались наибольшею скудостію матеріальныхъ средствъ, малочисленностію монашествующихъ лицъ и несоотвѣтствіемъ образа жизни этихъ послѣднихъ *высокому значенію православія и достоинству русскаго правительства въ краѣ...* Св. Синодъ, которому было передано это дѣло, потребовалъ отъ преосв. Макарія отзыва и объясненій. Преосв. Макарій, съ своей стороны, указалъ на крайнее запущеніе и обветшаніе вышеназванныхъ монастырей. Въ церкви, напр., Березвечскаго монастыря съ давняго уже времени нельзя было совершать богослуженіе, при чемъ, по внутреннему своему устройству, она во многомъ напоминала римско-католическій костелъ. Равнымъ образомъ зданія и другихъ двухъ монастырей находились или въ совершенномъ запущеніи, или же были не доведены до конца при самой постройкѣ ихъ, причемъ многія зданія были покрыты соломой и вообще поражали особенно новаго наблюдателя своею бѣдностію и крайнимъ убожествомъ. Въ самое послѣднее время Св. Синодомъ, по неоднократнымъ и настойчивымъ ходатайствамъ епархіальнаго начальства, были отпущены довольно значительныя суммы (свыше 30,000 рублей) на возобновленіе всѣхъ трехъ означенныхъ монастырей, но, по тщательномъ изслѣдованіи состоянія ихъ, этихъ суммъ оказалось совершенно недостаточно для приведенія обитателей въ надлежащій видъ и полное благоустройство. Поэтому къ возобновленію монастырей даже и не приступали. Земельныя владѣнія монастырей, при видимой ихъ значительности (Березвечскій монастырь имѣлъ всего 385 дес. пахотной земли и болѣе 915 десятинъ лѣсу, Борунскій 325 дес. и Тороканскій 203 дес.), оказывались также недостаточными для возстановленія ихъ до полнаго благоустройства. Въ нравственномъ отношеніи братія означенныхъ монастырей, по отзыву преосв. Макарія, дѣйствительно, не отличалась строгостію жизни, требуемою монашескимъ званіемъ, а нѣ-

которые изъ иноковъ вели себя даже неприлично своему зуженію. Не имѣли особеннаго значенія означенные монастыри, по отзыву преосв. Макарія, также и для дѣла православія и русской народности въ краѣ и не привлекали къ себѣ въ большомъ количествѣ богомольцевъ даже изъ окрестныхъ жителей. Въ прежнее время хотя одинъ изъ нихъ—Борунскій монастырь—имѣлъ немаловажное значеніе въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ съ православною церковью, особенно потому, что тогда существовало при немъ духовное училище; но въ 70-хъ годахъ XIX в. и онъ не имѣлъ уже замѣтнаго вліянія на окружавшее его православное и иновѣрное населеніе, такъ какъ въ средѣ его иноковъ не было способныхъ къ этому и энергичныхъ дѣятелей. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, преосв. Макарій и съ своей стороны призналъ закрытіе Березвечскаго, Борунскаго и Тороканскаго монастырей возможнымъ и умѣстнымъ, съ тѣмъ, чтобы средства закрытыхъ обителей были употреблены на приведеніе въ должное благоустройство и на усиленіе церковно-общественной дѣятельности другихъ православныхъ монастырей Литовской епархіи. Въ виду этого Св. Синодъ въ 1874 году, съ Высочайшаго утвержденія, рѣшилъ закрыть Березвечскій, Борунскій и Тороканскій монастыри, обративъ храмы ихъ въ приходскія церкви, а средства содержанія ихъ на другіе монастыри Литовской епархіи ¹⁾.

Должно замѣтить, что закрытіе трехъ монастырей въ Литовской епархіи вызвало немало нареканій на преосв. Макарія какъ среди современныхъ ревнителей православія въ сѣверо-западномъ краѣ, такъ отчасти и въ печати. Но, какъ можно видѣть изъ вышесказаннаго нами, инициатива закрытія трехъ монастырей Литовской епархіи исходила не отъ преосв. Макарія, вина котораго, если только о ней можетъ

¹⁾ См. арх. Литов. дух. Конс. за 1874 г., д. № 91.

быть вообще рѣчь, состояла въ томъ, что онъ не успѣлъ или не пожелалъ отстоять существованіе монастырскихъ обителей.

Въ заключеніе нашего обозрѣнія епархіальной дѣятельности преосв. Макарія въ Литвѣ мы должны сказать объ отношеніи его къ духовно-учебнымъ заведеніямъ епархіи. Въ Литовской епархіи ко времени вступленія въ управленіе ею преосв. Макарія было всего шесть духовно-учебныхъ заведеній: одна духовная семинарія, находившаяся въ Вильнѣ, четыре мужескихъ духовныхъ училища—Виленское, Жировидское, Гродненское и Кобринское и одно женское училище, находившееся въ Вильнѣ.

Семинарія и мужскія духовныя училища Литовской епархіи были только что преобразованы по новому уставу 1867 года наканунѣ прибытія преосвящ. Макарія въ Литву. Впрочемъ, это преобразование было пока неполное. Оно коснулось только учебно-воспитательной и отчасти административной стороны въ жизни духовно-учебныхъ заведеній. Введеніе полного преобразованія было поставлено въ зависимость отъ степени участія самого Литовскаго духовенства въ обезпеченіи матеріальнаго положенія своихъ школъ. Къ счастью, введенные преосв. Макаріемъ епархіальные и окружные сѣзды Литовскаго духовенства отнеслись сравнительно весьма участливо къ устройству своихъ духовныхъ школъ на новыхъ лучшихъ началахъ. Благодаря этому, оказалось возможнымъ уже въ 1872 году ввести полное преобразование въ семинаріи и мужскихъ духовныхъ училищахъ Литовской епархіи по уставу 1867 года.

Близко знакомый съ особенностями новаго устава, въ созданіи котораго преосв. Макарій, какъ мы уже знаемъ, самъ принималъ участіе, онъ явился самымъ лучшимъ и опытнымъ руководителемъ подчиненнаго ему семинарскаго и училищнаго начальства въ дѣлѣ введенія новаго устава въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ духовно-учебнымъ заведеніямъ преосв. Макарій строго придерживался точныхъ требованій устава, равно какъ и отъ подчиненныхъ

своихъ требовалъ такого же точнаго исполненія всѣхъ предписаній устава. Многочисленныя доказательства этого мы находимъ въ резолюціяхъ преосв. Макарія на журналахъ семинарскаго и училищныхъ правленій. Такъ, напр., на журналѣ педагогическаго собранія Литовской духовной семинаріи отъ 10 ноября 1872 года преосв. Макарій 24 ноября того же года положилъ такую резолюцію: „журналы правленія, не подписанные большинствомъ членовъ, какъ несогласные съ ихъ мнѣніемъ, а подписанные только двумя или тремя членами, не могутъ имѣть никакого значенія и напрасно мнѣ представлены. Предлагаю составить эти журналы (отъ 10 и 12 ноября) согласно съ разъясненіемъ Св. Синода на § 105 сем. устава и тогда представить мнѣ“¹⁾. Или на журналѣ отъ 4 октября, 1871 года, въ XVIII статьѣ котораго излагалось постановленіе о томъ, чтобы соображенія училищныхъ правленій о предстоящемъ преобразованіи духовныхъ училищъ Литовской епархіи были представлены прямо архіепископу, а не въ семинарское правленіе, преосвящ. Макарій положилъ такую резолюцію: „по статьѣ XVIII приложенія соображенія училищныхъ правленій, которыя при семъ возвращены, должны быть представлены мнѣ законнымъ порядкомъ, т. е. не иначе, какъ чрезъ семинарское правленіе и съ его заключеніемъ, по силѣ §§ 30 и 33 училищнаго устава, что и предлагаю исполнить“²⁾.

Извѣстно, что одну изъ отличительныхъ особенностей устава 1867 года составляло предоставленіе семинарскому и училищнымъ правленіямъ права избранія начальствующихъ, наставниковъ и служащихъ путемъ баллотировки. Практическое осуществленіе этого права сопровождалось часто недоразумѣніями и вызывало иногда большія пререканія между

¹⁾ См. арх. Литов духовн семинарин. Журналы Педагогич. собранія за 1872 годъ.

²⁾ См. тамъ-же, Журналы Педагогич. собранія за 1871 годъ.

членами собранія, которыя отражались на журналахъ собраній, въ особыхъ мнѣніяхъ отдѣльныхъ членовъ, и такимъ путемъ дѣлались извѣстными епархіальной власти¹⁾. Преосв. Макарій ко всемъ такимъ недоразумѣніямъ, пререканіямъ и вообще отрицательнымъ проявленіямъ новаго семинарскаго и училищныхъ уставовъ относился съ замѣчательнымъ и рѣдкимъ снисхожденіемъ. И зѣлся, какъ и во всемъ, онъ искалъ прежде всего справедливости и требовалъ по возможности самаго точнаго исполненія устава. Этимъ только можно объяснить и то, что преосв. Макарій иногда принималъ на себя тяжелую обязанность ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ утвержденіи такихъ постановленій, которыя представляли серьезныя затрудненія для осуществленія, хотя находились въ прямомъ соответствіи съ требованіями устава. Съ другой стороны, въ этой же чертѣ характера преосв. Макарія находить достаточное объясненіе себѣ и то обстоятельство, что онъ часто утверждалъ отдѣльное мнѣніе меньшинства, которое (мнѣніе) хотя и выражалось иногда въ двухъ и даже одномъ голосѣ, но удовлетворяло требованіямъ устава и пользѣ самаго дѣла. Такъ, напр., въ 1870 году преосв. Макарій согласился ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о назначеніи ректоромъ Литовской духовной семинаріи священника Николая Дмитревскаго, избраннаго большинствомъ членовъ семинарскаго правленія, хотя сознавалъ большія неудобства подобнаго назначенія и предварительно принялъ возможныя мѣры къ педоущенію его²⁾. Вотъ другой примѣръ. На объясненіи 4 наставниковъ семинарій, потребованномъ архіеп. Макаріемъ, о томъ, почему они въ журналѣ педагогическаго собранія отъ 10 января 1869 года не подписали статей, съ которыми согласны, равно какъ и статьи, съ которою они были несогласны, причемъ объяснявшіе го-

¹⁾ О нихъ подробно сообщаетъ преосв. Іосифъ архіеп. Макарію въ письмѣ отъ 28 декабря 1869 года. См. письмо въ собраніи арх. м. Макарія.

²⁾ См. архивъ Литов. дух. сем. Журналы Педагогич. собранія за 1870 г.

ворили, что „ни письменно, ни словесно они отнюдь не высказывали никому нежеланія подписывать журналъ отъ 10 января, но только письменно двукратно просили изложить въ журналъ статью объ ученикѣ высшаго отдѣленія Владиміръ Мижевскомъ сообразно съ ходомъ дѣла въ засѣданіи педагогическаго собранія, но просьба ихъ была исполнена только на-половину и въ такомъ видѣ, въ какомъ они совѣмъ не ожидали того, т. е. были выписаны фамиліи подававшихъ голоса, между тѣмъ какъ въ засѣданіи голоса обозначались плюсами и минусами, безъ упоминанія фамилій, и прямо было заявлено несоотвѣтствіе съ требованіями устава и педагогіи поименованія въ этомъ случаѣ подателей голосовъ, такъ какъ журналы засѣданій, переписываемые письмоводителями—учениками, могутъ стать извѣстными всѣмъ ученикамъ,—преосв. Макарій 21 января 1869 года положилъ такую свою резолюцію: „читаю и не могу не выразить желанія, чтобы на будущее время правленіе строго держалось правилъ семинарскаго устава“¹⁾. Или, напр., на журналъ отъ 3 іюня 1869 года, въ 8-й статьѣ котораго излагалось постановленіе, запрещающее наставникамъ позволять ученикамъ записывать въ классѣ переводъ съ классическихъ языковъ и по нему готовить уроки, причемъ вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе докладной записки преподавателя Фл. Смирнова, въ которой рассказывалось о томъ, какъ ректоръ семинаріи, во время посѣщенія классовъ, нашелъ у одного ученика переводъ, неразумно сдѣланный, и изорвалъ его, преосв. Макарій 13 іюля 1869 года написалъ слѣдующее: „по ст. 8-й утверждается мнѣніе большинства членовъ, хотя, при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, оба мнѣнія могли бы быть примирены не безъ пользы для учениковъ. А если, какъ свидѣтельствуютъ гг. Елеонскій и Демьяновичъ въ своей за-

¹⁾ См. тамъ-же. Журналы Педагогич. собр. за 1869 г.

пискѣ, собраніе голосовъ при разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ совершалось несогласно съ существующими постановленіями, то считаю нужнымъ напомнить, чтобы впредь ничего такого не допускалось въ семинарскомъ правленіи¹⁾

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ можно ясно видѣти что въ правленіяхъ духовно-учебныхъ заведеній Литовской епархіи, особенно семинарскомъ, на первыхъ порахъ послѣ введенія въ дѣйствіе устава 1867 года происходили нерѣдко большія несогласія, недоразумѣнія и возбуждались разные недоумѣнные вопросы. Благодаря умѣлому и внимательному руководству училищныхъ правленій со стороны преосв. Макарія, жизнь духовно-учебныхъ заведеній Литовской епархіи современемъ успокоилась и урегулировалась на точномъ основаніи новаго устава. Это замѣтно отразилось, между прочимъ и въ журналахъ собраній семинарскихъ—педагогическаго и распорядительнаго, отличающихся (журналахъ) съ 1873 года спокойнымъ и уравновѣшеннымъ тономъ. Большую заслугу въ этомъ отношеніи признаетъ за преосв. Макаріемъ и историкъ Литовской духовной семинаріи²⁾.

Преосв. Макарій весьма внимательно относился и къ постановкѣ воспитательнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Литовской епархіи. Такъ, напр., когда ему были представлены при журналѣ семинарскаго правленія отъ 7 сентября 1870 года „правила семинарской жизни и дѣятельности“, составленныя инспекторомъ іеромонахомъ Іустиномъ и одобренныя педагогическимъ собраніемъ, то преосв. Макарій утвердилъ ихъ, предварительно исправивъ ихъ собственноручно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ³⁾.

¹⁾ См. тамъ-же.

²⁾ См. у свят. Н. Извѣкова. *Исторія Литовской духовной семинарии. Вильна, 1892 г., стр. 293—294.*

³⁾ См. арх. Литов. дух. семинаріи. *Журналы Правленія собранія за 1870 г.*

Отношенія преосв. Макарія собственно къ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній были проникнуты духомъ глубокой гуманности. Такъ, на журналѣ педагогическаго семинарскаго правленія за 5 марта 1875 года, гдѣ въ ст. IV было рѣшено, между прочимъ, учениковъ, не приготовившихъ уроковъ по лѣности, оставлять въ классѣ по окончаніи занятій не свыше двухъ часовъ, преосв. Макарій 20 марта 1875 года положилъ слѣдующую замѣчательную резолюцію: „исполнить. Но, по ст. VI, мѣру, принимаемую въ пунктѣ 4-мъ, безъ указанія основаній, предлагаю подвергнуть новому разсмотрѣнію. Заставлять учениковъ учить свои уроки въ такое время, когда, просидѣвъ нѣсколько классовъ и выслушавъ нѣсколько лекцій сряду, ученики утомились и тѣломъ и душою и когда тѣло обыкно требовать пищи—хорошо-ли это и можно-ли ожидать успѣха отъ такой мѣры“? 1).

Сердечное отношеніе преосв. Макарія къ Литовской духовной семинаріи особенно рельефно выразилось въ томъ живомъ участіи, какое онъ принялъ въ празднованіи 50-лѣтняго юбилея семинаріи. Юбилей былъ торжественно отпразднованъ 7 октября 1878 года.

По указанію преосв. Макарія, семинаріею были заранее составлена и имъ самимъ собственноручно исправлена программа этого празднованія 2). Преосв. Макарій исходатайствовалъ Литовской духовной семинаріи, по этому поводу, благословенную грамоту Св. Синода, а отъ себя лично пожертвовалъ 2000 рублей съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала была учреждена при семинаріи стипендія его имени для одного изъ бѣднѣйшихъ, но достойнѣйшихъ воспитанниковъ семинаріи 3).

1) См. тамъ-же. Журналы Педагог. собран. за 1875 г.

2) См. тамъ-же. Журн. Педагог. собран. за 1878 г.

3) См. у свящ. П. Извъкова. Ист. Литов. дух. сем., стр. 419—420.

Заботился преосв. Макарій и объ улучшеніи матеріальнаго быта наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній Литовской епархіи. Въ началѣ 1874 года было возбуждено дѣло о прибавкѣ жалованья учителямъ Литовской духовной семинаріи. Преосв. Макарій сердечно отнесся къ этому вопросу и передалъ его для обсужденія епархіальному съѣзду духовенства, бывшему въ томъ году. Съѣздъ, къ сожалѣнію, отклонилъ этотъ вопросъ. Тогда въ началѣ 1875 года преосв. Макарій возбудилъ ходатайство о томъ же самомъ предъ Св. Синодомъ, причемъ подробно и обстоятельно мотивировалъ свое ходатайство. Но и Св. Синодъ, въ виду происходившаго тогда преобразования духовно-учебныхъ заведеній, отклонилъ это ходатайство¹⁾. Впослѣдствіи содержаніе наставниковъ семинаріи все-таки было увеличено, равно какъ и въ 1870-хъ выдавались разныя пособія особенно нуждавшимся изъ нихъ²⁾.

Въ числѣ другихъ нерѣшенныхъ дѣлъ, преосв. Макарій получилъ въ Литвѣ отъ своего предшественника весьма важное дѣло объ открытіи высшаго училища при Литовской духовной семинаріи. Вопросъ объ учрежденіи въ сѣверо-западномъ краѣ высшаго духовнаго учебнаго заведенія былъ возбужденъ очень рано, на зарѣ духовнаго возрожденія этого издревле православно-русскаго края. Еще въ 1828 году Іосифъ Сѣмашко думалъ объ учрежденіи духовной Академіи въ Полоцкѣ, которая, по его мысли, имѣла сдѣлаться очагомъ воссоединенія Литовской русско-уніатской паствы съ православною церковью. Боязнь остаться безпомощнымъ въ краѣ, въ которомъ тогда были еще слишкомъ скудны православно-русскія силы, заставила Іосифа Сѣмашко отказаться отъ осуществленія своего проекта. Въ 1860-хъ годахъ за него горячо взялся было Виленскій генералъ-губернаторъ

¹⁾ См. арх. Литов. дух. сем. за 1884 г., дѣло № 5.

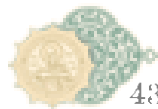
²⁾ См. *Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией*, 399 — 400
<http://kdais.kiev.ua>

гр. М. Н. Муравьевъ, который думалъ учредить высшее духовное училище въ Вильнѣ. Заручившись согласіемъ митрополита Іосифа Сьмашко и одобреніемъ высшаго правительства, гр. Муравьевъ энергично взялся было за подготовленіе всего необходимаго для учрежденія высшаго духовнаго училища въ Вильнѣ. Здѣсь былъ составленъ особый комитетъ, который, подъ предсѣдательствомъ викарія Литовской епархіи, выработалъ проектъ учрежденія „высшаго училища при Литовской духовной семинаріи“ вмѣстѣ съ программой учебнаго курса, имѣвшаго преподаваться въ немъ. Согласно этому проекту, главною цѣлю для проектировавшагося высшаго духовнаго училища въ Вильнѣ поставлялось „приготовленіе истинно-русскихъ дѣятелей въ духѣ православія на поприщѣ духовномъ и гражданскомъ для борьбы въ сѣверо-западномъ краѣ съ католицизмомъ и полонизмомъ, т. е. съ фанатическою пронагандою—религіозною и политическою, могущею имѣть успѣхъ только при равнодушіи и недостаточномъ научномъ образованіи—богословскомъ и историческомъ—со стороны ихъ противниковъ“. Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этою главною задачею были составлены курсы ученія и программа преподаванія въ высшемъ училищѣ. Въ числѣ главныхъ предметовъ ученія назначалась, между прочимъ, *исторія края—церковная и гражданская*, а также энциклопедія дѣйствующаго гражданского права и каноническое право.

Къ сожалѣнію, пока вырабатывался проектъ учрежденія высшаго духовнаго училища при Литовской духовной семинаріи, гр. Муравьева не стало. Преемники его не такъ горячо относились къ задуманному имъ дѣлу. Охлаждѣло, видимо, къ этому послѣднему и высшее правительство не только гражданское, но и церковное. Церковная власть опасалась даже открывать проектированное высшее духовное училище, которое, при больномъ архипастырѣ (митроп. Іосифѣ Сьмашко), могло принять даже и ненадлежащее направленіе. Въ концѣ

Труды Киевск. дух. акад. Т. III. 1904 г.

60-хъ годовъ XIX в. вопросъ объ открытіи въ Вильнѣ Академіи снова былъ возбужденъ, по инициативѣ уже Виленскаго губернатора. Началась снова переписка, которая собственно и перешла отъ митроп. Іосифа Сьмашко къ преосв. Макарію¹⁾

Преосвящ. Макарій, сколько можно судить по перепискѣ между нимъ и викаріемъ его, преосвящ. Іосифомъ, отнесся къ проекту учрежденія въ Вильнѣ особой духовной Академіи весьма сочувственно. Къ сожалѣнію, дѣло это на сей разъ не встрѣтило сочувствія со стороны гражданской мѣстной власти. Генералъ-губернаторъ Потаповъ рѣшительно отказался принять какое-либо участіе въ матеріальныхъ расходахъ по учрежденію Виленской Академіи. вмѣстѣ съ тѣмъ принимались и другія мѣры къ тому, чтобы проектъ, направленный къ обновленію края въ православно-русскомъ духѣ, совершенно похоронить въ канцелярскихъ архивахъ и не выпустить его на свѣтъ Божій. Въ письмѣ преосв. Іосифа къ архіеписк. Макарію отъ 27 февраля 1869 года читаемъ, между прочимъ, слѣдующія его слова: „дѣло объ устройствѣ Академіи потребовано княземъ Багратиономъ изъ консисторіи... а въ канцеляріи г. начальника края переписка по этому дѣлу не найдена,—должно быть, кѣмъ-нибудь выхвачена для нехорошихъ цѣлей, въ родѣ проповѣдуемыхъ газетой „Вѣсть“²⁾).

Такъ же точно не вышелъ изъ области предположеній и не получилъ надлежащаго разрѣшенія и другой вопросъ—о введеніи въ Литовской духовной семинаріи преподаванія литовскаго языка. Вопросъ этотъ обсуждался въ Вильнѣ въ 1869 году. 13 марта 1869 года преосв. Іосифъ писалъ архіеписк. Макарію въ С.-Петербургъ слѣдующее: „по поводу

¹⁾ Исторіи вопроса объ учрежденіи въ Вильнѣ духовной Академіи изложена нами по арх. Литов. дух. консист. 1869 г., д. № 686.

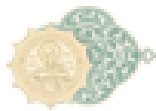
²⁾ См. письма въ собств. архивѣ и Макарія.

предположеній о введеніи преподаванія литовскаго языка у меня уже два раза собирався комитетъ: изъ ректора семинаріи, смотрителя Виленскаго училища, кафедральнаго протоіерея Гомолицкаго, соборнаго священника Папкевича—изъ природныхъ жмудиновъ, окружнаго инспектора Виленскаго окружнаго округа Нулина и изъ надзирателя Виленской гимназіи, знающаго литовскій языкъ и готовящаго литовскую грамматику на русскомъ языкѣ; еще одно или два засѣданія, — и проектъ будетъ готовъ“¹⁾). Чѣмъ закончились работы Комитета,—не знаемъ. Несомнѣнно одно только то, что литовскій языкъ не преподавался въ Литовской духовной семинаріи при архіеп. Макаріи.

Свящ. *Θ. Титовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи императора Александра І-го.

(Продолженіе ¹⁾).

Второй періодъ жизни и дѣятельности Оеофилакта Русанова (съ 1807—1810 г.).

Условія, создавшія Оеофилакту, вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Петербургъ, вліяніе, авторитетъ и славу. Дѣятельность его въ „Комитетѣ объ усовершеніи училищъ“ и въ „Комиссіи духовныхъ училищъ“. Труды его по составленію устава духовныхъ заведеній. Профессорская его дѣятельность въ С.-Петербургской духов. Академіи. Сила его имени и авторитета въ С.-Петербургѣ. Отношеніе его къ митрополиту петербургскому Амвросію.

Благодаря своимъ личнымъ талантамъ и нѣкоторымъ внѣшнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, преосв. Оеофилактъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Св. Синода, и выступилъ впередъ въ качествѣ главнаго дѣятеля по современнымъ вопросамъ, касающимся всей русской церкви. „Съ перваго вступленія въ знакомую уже Оеофилакту присутственную залу Синода, говоритъ авторъ статьи „Изъ прошлаго“, всѣмъ стало ясно, что хотя онъ и сѣлъ не на первомъ мѣстѣ, но будетъ имѣть рѣшительный и рѣшающій голосъ“ ²⁾. И дѣйствительно, ученость, энергія, способность къ инициативѣ создали Русанову сразу же главное вліяніе на ходъ рѣшеній дѣлъ въ Св. Синодѣ. Эти же талантливыя способности создали Оеофилакту скоро славу и въ петербургскомъ обществѣ, ко-

¹⁾ См. Труды Киевской дух. Академіи, октябрь, 1902 г.

²⁾ Русскій Вѣстн. 1863 г. 74 т., стр. 490.